
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 86–91.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(9(491)):86-91.

Научная статья

УДК 101.3

doi: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-86-91

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЦЕННОСТИ: ЭНЕРГИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ

Анатолий Борисович Невелев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, nabob1@mail.ru, 0000-0001-7037-0574

Аннотация. Формальная логика, ограничивается предметной стороной бытия и мышления человека. Человек в ее представлении предметно овнешнен и редуцирован, в лучшем случае, к отношениям. Большого от формальной логики и не ожидается. Но в истории философии и логики, в их магистральной традиции, восходящей к Аристотелю, есть возможность привлечь к рассмотрению не только предметную, но и деятельностьную, энергийную составляющую. Деятельность человека дублирует два предметных аспекта (элемента) логической структуры понятия: объем понятия и содержание понятия. Предметность объема выражается в тяготении дублирующей деятельной способности (энергийности) к категориям особенного и единичного. Предметность содержания выражается в тяготении дублирующей энергийности к категориям общего и всеобщего. При такой предметно-энергийной интерпретации логики она может служить в качестве экспертного рассмотрения аксиологических построений.

Ключевые слова: аксиология, предметность ценности, энергийность ценности, логическая структура понятия, объем понятия, содержание понятия, предметная интенция мышления, единичное, особенное, общее и всеобщее, обратное отношение между предметностью и энергийностью

Для цитирования: Невелев А. Б. Логическая структура ценности: энергийный компонент // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 86–91. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-86-91.

Original article

THE LOGICAL STRUCTURE OF VALUE: THE ENERGY COMPONENT

Anatoly B. Nevelev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, nabob1@mail.ru, 0000-0001-7037-0574.

Abstract. Formal logic is limited to the objective side of human existence and thinking. In her view, a person is subjectively internalized and reduced, at best, to a relationship. More is not expected from formal logic. But in the history of philosophy and logic, in their main tradition, dating back to Aristotle, there is an opportunity to bring to consideration not only the subject, but also the activity, energy component. Human activity, for example, duplicates two subject aspects (elements) of the logical structure of the concept: the scope of the concept and the content of the concept. The objectivity of the volume is expressed in the attraction of the active ability (energy) to the categories of the special and the singular. The objectivity of the content is expressed in the attraction of energy to the categories of the general and universal. With this interpretation of logic, it can serve as an expert examination of axiological constructions.

Keywords: axiology, objectivity of value, energy of value, logical structure of the concept, scope of the concept, content of the concept, objective intention of thinking, singular, special, general and universal, inverse relationship between objectivity and energy

For citation: Nevelev AB. The logical structure of value: the energy component. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2024;(9(491)):86-91. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-86-91.

Взаимодействие аксиологического и логического бытия

Ценности, которыми руководствуются люди, осознаются и фиксируются, кроме всего прочего, с помощью слов на понятийном уровне т. е. как понятия. Соответственно, и отношения между ценностями осмысливаются с помощью отношений между понятиями. Прежде, чем обратиться к отношениям между аксиологически нагруженными понятиями, последуем совету филологов (Попович О. А., Крыловой Н. Ф., Морозовой А. В.) и «рассмотрим сами понятия, как «атомы», которые вступают затем в логические отношения. Понятиям предстоит при дальнейшей конкретизации стать относящимися сторонами» [7]. Ранее мы утверждали: «Обычно в формальной логике, к примеру, рассматривают логическую структуру понятия, состоящую из двух элементов: из содержания понятия и объема понятия. К содержанию относят совокупность мыслимых в понятии признаков, к объему – совокупность мыслимых в понятии предметов. Здесь еще отсутствует аксиологическая нагруженность понятия и его структуры: в объеме обнаруживает себя метафизическая форма: предмет (вещь) то есть, то, о чем все говорится (Аристотель), и в содержании признаки предмета» [5] (вещи) — то, что именно говорится о предмете в виде его признаков. Содержание опосредует собой отношение мыслящего субъекта к объему, объем опосредует собой отношение мыслящего субъекта к содержанию. И то, и другое по-своему предметно и придает специфическое качество энергичности, деятельной способности субъекта.

Уместно при этом дать себе отчет, что у нас, по Аристотелю, «в запасе» еще две причины: движущая причина и целевая причина. Движущая причина, при «вертикальном развитии» вещи становится «actus purus» (энергичным чистым актом Бога), а целевая – формой всех форм, предметностью Бога. Именно с этими двумя последними причинами, как представляется, уместно связать аксиологическую нагруженность понятия. Движущая и целевая причины могут на современном философском языке представать в другом облике, но без изменения сути дела.

Достаточно вспомнить, что к мыслимым в объеме и содержании предметам и их признакам мы относимся не нейтрально, мы ими увлечены, даже «захвачены». Или, попросту говоря, мы их, в конечном счете, любим. Эта любящая увлеченность интенциональна, предметно направлена и выливается в активность, в нашу деятельность,

во взаимодействие с предметным миром. Любящее «вожделение» (Г. В. Ф. Гегель) предстает как предметно оформленная деятельность, развертывающаяся по контуру «горизонтального» и «вертикального» предметного мира.

В ранней публикации мы резюмировали: «объем понятия и содержание понятия включают в себя еще и деятельностную (энергичную) составляющую. В объеме понятия деятельность человека идет по контуру мыслимых в понятии предметов, в содержании понятия деятельность человека идет по контуру мыслимых в содержании признаков предмета» [5]. Тем самым, объем понятия дробит деятельностную способность человека и его любящую увлеченность миром (энергичность) на атомизированные составляющие, на множество влекущих человека предметов, а содержание понятия, собирая, в конечном счете, все признаки в один самый любимый и существенный, фокусирует деятельностную способность (энергичность), как абстракцию, до ее абсолютных значений.

Любящая интенциональность (энергичность) в объеме понятия тяготеет к категории особенного и единичного, а в содержании понятия она тяготеет к общему и всеобщему. На международной конференции 2022 года мы заявляли: «Объем понятия и его содержание связаны между собой обратной зависимостью, которая имеет название закона обратного отношения между объемом и содержанием понятия, который собой резюмирует логическую структуру понятия. Закон гласит, что увеличение количества признаков в содержании понятия влечет за собой уменьшение количества мыслимых в понятии предметов и наоборот.

«Мы склонны полагать, что то, что Аристотель называет материальной причиной вещи выражается в объеме понятия, а то, что он называет формальной причиной вещи, выражается его содержанием. В объеме и содержании понятия, тем самым, мы имеем две формы предметности: предметность мыслимых в понятии вещей» [5], тяготеющих к особенностям и единичности, и предметность признаков этих вещей, тяготеющих к общности и всеобщности. С объемом, при этом, увязана конкретность вещи, а с содержанием — абстрактность ее признаков.

Движущая причина, если придать ей современную трактовку, — это сам человек, как субъект деятельности. Целевая причина — это идеальный образ предметного продукта его деятельности. Деятельность человека, как субъекта, предметна, то есть «определена вещами (предметами деятельности), отраженными в объеме понятий, которыми

человек руководствуется, и признаками (предметными средствами деятельности), которые человек особо выделяет практически и теоретически, абстрагирует и отражает в содержании понятия» [5].

Энергийный дублер предметного бытия человека

Живая деятельность человека, субъекта (движущая причина) оказывается между двумя полюсами: предметно конкретным и предметно абстрактным. В логической структуре понятия живая деятельность отражается как предметная форма объема понятия и предметная форма содержания понятия. Деятельность, получающая предметную определенность от объема понятия, предстает как предметно конкретная. Деятельность, получающая предметную определенность от содержания понятия, предстает как предметно абстрактная.

В первом случае определенность деятельностно «снимается» (Г. В. Ф. Гегель) с объема, во втором случае определенность деятельностно «снимается» с содержания. Рассуждение здесь базируется на логике опредмечивания – распродмечивания. Как представляется, при этом закон обратного отношения между объемом и содержанием понятия, разработанный для нужд формальной логики, оборачивается законом обратного отношения между предметностью и энергийностью.

Когда предметность содержания понятия достигает предельного обобщения в самом предельном признаке, например, в признаке бытия вообще, в его объем собираются воедино все возможные мыслимые предметы (вещи) объема понятия. Но этот понятийный логический процесс, как выясняется, сопряжен с деятельностью субъекта (с движущей и целевой причинами). Уменьшая предметную определенность в предельном признаке содержания понятия, мы максимально и внутренне неразличимо увеличиваем охват предметов и деятельной способности (энергийности) в его объеме. Предметность понятия стремится к категориальному минимуму, к крайней неопределенности, а энергийность понятия стремится к духовному максимуму, к предельной экзистенциально значимой насыщенности. Предельная абстрактность содержания понятия снимает предельную конкретность объема понятия и сопряженную с ней полноту деятельной способности (энергийности) субъекта.

Совершая логические операции обобщения и ограничения, мы работаем не только с предметной стороной мыслимого бытия, но и с его энер-

гийной стороной, которая фокусируется при обобщении и распадается (дробится) при ограничении понятий. Деятельная способность претерпевает предметные метаморфозы вместе с изменениями в предметной стороне объема и содержания понятий. Особый философский, метафизический интерес представляют выходы понятий к предельным обобщениям, к категориям. Они выражают собой контрадикторное разбиение бытия по всем направлениям его предметных качеств.

Универсум при этом предстает в качестве единства противоположностей, охватывающих всю его полноту как «А и не-А»: бытие — небытие, качество — количество, сущность — явление. Естественно, тут при каждой паре мыслится еще и третье — «мерная», выражающая единство, категория: становление, мера, действительность. Но контрадикторность — это предельное отношение между понятиями, которые в своем развитии не исчерпываются только отношением противоречия, то есть отношением предельной несовместимости.

Шесть традиционно рассматриваемых отношений между понятиями: отношения совместимости — совпадение (тождество), пересечение (перекрещивание), подчинение (субординация), и отношения несовместимости — соподчинение (координация), противоположность (контрарность) и противоречие (контрадикторность) — могут быть представлены не как самостоятельные изолированные, атомарные, а как моменты развития понятий. Развитие понятий в их отношениях предстает тут как движение от «тождества — различия» через «пересечение», «подчинение» и «координацию» к «противоположности» и «противоречию».

Соответственно, эти предметные метаморфозы отношений между понятиями предметно организуют и рассмотренную нами энергийность. Имея в виду, что энергийность — это интенциональность, любящая увлеченность предметным бытием, нужно отметить, что каждому виду отношений соответствует своя ценностная «энергема» (А. Ф. Лосев). На вершине энергийного восхождения, сублимации деятельной способности человека оказывается энергема контрадикторности (противоречия, единства противоположностей). Мерой контрадикторности при этом предстает само «безотносительное не» (Г. В. Ф. Гегель), «нетость» (М. Хайдеггер). «Не» в формуле «А и не-А» принадлежит обеим противоположностям, но в исключительном смысле не принадлежит ни одному из них, неразрывно, как мера, их объединяя. В этом «не» они совпадают.

Отрицание оборачивается тут своей противоположностью: утверждением. Это утверждение заявляет о себе сразу, как только мы попытаемся подвергнуть отрицание отрицанию ($\neg \neg A = A$). Нерушимость положительности бытия как такового здесь обнаруживается безусловно. Никакие попытки подвергнуть бытие, как меру, отрицанию не возымеют успеха. «Дьявол» тотального отрицания, к примеру, «тошнота» Ж.-П. Сартра [8], «меон» Н. А. Бердяева [1], и тому подобное, здесь посрамлены сразу и навсегда. Парменидовское бытие тут, как и положено, недвижимо и неделимо: бытие есть, небытия же вовсе нет. Небытие оборачивается неистребимым бытием «не», как логосом. Текучесть человеческой любящей энергичности тут застолблена бытием, как жизнеутверждением во что бы то ни стало.

Предельная предметность бытия выступает местом фокусирования, утверждения любящего отношения к миру, местом блага и, при религиозной интерпретации, местом Бога. Священная энергичность этого места выступает ценностно образующим основанием. Рассмотренные нами формы отношений между понятиями, которые в итоге восхождения оказались снятыми, синтезированными в предельной форме, могут быть рассмотрены как варианты дробления предметных логических феноменов, энергем. Это дробление, с которым мы встретились при восходящем, обобщающем движении логической мысли, когда единство их еще скрыто и не просматривается за предметным разнообразием.

Понятно, что кроме предметного логического разнообразия имеет место и эмпирическое многообразие мира, которое поставляет бесчисленное множество излюбленных нами предметов, наших ценностей. За этим предметным частоклоном, многообразием людей и вещей, за многообразием энергем трудно, даже невозможно уловить саму суть ценностного мира людей — ценностно образующее основание. Сведенное к логическим формам предметное многообразие позволяет подняться над этим буйством красок чувственно данного мира. Логика позволяет создать метафизическую ситуацию «рефлексии над» отвлекающим от сути и истины мира многообразием. Но и среди рассмотренного нами количества предметных логических форм есть множество отвлекающих моментов, не относящихся к сути, затемняющих путь к ценностно образующему основанию. Вместе с тем, логический вариант в значительной степени приближает нас к искомой сути предметно — энергичного бытия человека. Среди рассмотрен-

ных форм идентичности человеческого «Я» ее логический вариант весьма строг к отвлекающим моментам мира, который улыбается человеку во всем своем чувственном блеске (К. Маркс).

Обратное отношение предметности и энергичности.

Максимальная строгость демаркации кроется в абсолютной «свободе от...», в осознании полноты Бытия в «свободе в...» и в возвращающемся предметном многообразии «свободы для...». «Свобода от...» представляет собой вариант феноменологической редукции, которая в конечном счете осуществляет демаркацию энергичной и предметной сторон бытия. Энергичность Бытия — предельная любящая увлеченность миром, само «свято место» — фокусированное Благо, являющееся ценностно образующим основанием. Если ценностно образующее основание не осознано как таковое, не понято его конституирующая предметные ценности роль, то на роль «бога» будут претендовать сонмы предметов и бесчисленных предметных форм.

Захватившая какие-либо предметы и предметные формы энергичность будет превращать эти предметы, взятые в их генезисе, структуре, значении и смысле в «дорожную карту» судьбы человека. Из этого следует, что при возвращении чистоты любящей энергичности в предметный мир, в «свободе для...» нам следует придерживаться строжайшей осмотрительности. Мудрое от всего отделено (Анаксагор). Сохранение дистанции между чистой энергичностью, как ценностно образующим основанием и предметным многообразием мира позволяет сохранить критическую отстраненность «свободы в...» (чтобы не сказать «свободы в... Боге») от тех предметов и предметных форм деятельности человека, которые продуцируют «соблазны» чувственно конкретного мира.

Без этой свободы, базирующейся на самом ценностно образующем основании, с помощью которого человек получает экзистенциальную защиту, совершенно невозможно осуществлять сам предметно-ценностный выбор. Фаза свободы, связанная с выбором устранена, когда мы совершаем перескок нашей увлеченности, энергичности, захваченности, любви из «свободы от» к «свободе для». Тут самое то главное и упущено, мы проскакиваем само «свято место» — «свободу в...». Это перескакивание через главный момент человеческого бытия погружает человека в небытие, как поток отрицания. Без утвердитель-

ной нерушимости «святого места» «свобода от...» и «свобода для...» погружает человека в предметную текучесть гераклитовского потока, в котором преобладает отрицание, то есть устранение всех возможных человеческих жизненных, бытийных опор. Мы заглядываем в бездну, а бездна заглядывает в нас. Все проявления современного трансгуманизма — варианты такого «заглядывания» в нас бездны отрицания. Вряд ли можно было бы утверждать, что заглядывание в бездну сопровождается радужными эмоциями, не философствующий ум стремится убежать от такой устрашающей свободы в предметно отвлекающие и увлекающие феномены жизни, зачастую вытеснить шок от ужаса небытия (тотальности отрицания) формами шокирующего поведения.

Эти формы — слабые попытки противопоставить частно предметные, зачастую девиантные, варианты человеческого бытия императиву все сметающего отрицания. Экзистенциально спасительно для человека только обнаружение в сердцеvine тотального отрицания рожденное им его собственное отрицание, гераклитовский Логос, парменидовское Бытие, которое есть неистреби-

мое утверждение. Наше время фонтанирует иллюзорными формами бытия, отличающимися эмоциональной взвинченностью, эпатажностью. Они относятся к разряду попыток заглушить безмолвный вопль ужаса от понимания того, что придется всегда жить по-соседству с этим безбожным «чудищем», и что его нужно каким-то образом определИть и определЕить. По-настоящему это можно сделать лишь предметно определившись со святым местом в нас, с ценностно образующим основанием. С тем, что придаст нашему бытию абсолютную нерушимость.

Одной из попыток выразить устойчивость энергийного бытия при опоре на фокусирующую, сверхсублимирующую предельную предметную форму является концепция *ordo amoris* М. Шеллера, а также концепция точки Омега П. Тейяр де Шардена [9]. На наш взгляд, эти авторы в ряду немногих других, может быть интуитивно, опирались на идею обратного отношения предметности и энергийности человеческого бытия. В этом же русле можно усмотреть направление размышлений И. А. Ильина [3], предметно фокусирующего энергийность бытия в Человеке-факеле.

Список источников

1. Бердяев Н. А. *Философия свободного Духа*. М.: Республика, 1994. С 14–229.
2. Вышеславцев Б. П. *Этика преображенного Эроса*. М.: Республика, 1994. 368с.
3. Ильин И. А. *Путь к очевидности*. М.: Республика. 1993. 431 с.
4. Лосев А. Ф. *Философия имени* // Лосев А. Ф. Из ран. произв. М.: Правда, 1990. 194 с.
5. Невелев А. Б., Камалетдинова А. Я. Энергийность как элемент логической структуры понятия // *Мировоззренческие основания культуры современной России. Сборник научных трудов XIII Международной научной конференции*. Магнитогорск, 2022. С. 102–108.
6. Платон. *Пир* // Платон. *Собр. соч.*: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 81–134.
7. Попович О. А., Крылова Н. Ф., Морозова А. В. *Интегрированный подход в изучении русского языка в вузе* // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Педагогика. 2020. № 1. С. 55–66.
8. Сартр Ж. П. *Тошнота* / Ж. П. Сартр; [пер. с фр. Ю. Я. Яхниной]. Москва: АСТ, [2018]. 318 с.
9. Тейяр де Шарден П. *Феномен человека*: пер. с фр. М.: Наука, 1987. 240 с.
10. Франк С. Л. *Непостижимое* // Франк С.Л. *Сочинения*. М.: Правда, 1990. 379 с.

Reference

1. Berdyaev NA. *Filosofiya svobodnogo Duxa*. M.: Respublika, 1994. S. 14–229.
2. Vysheslavcev BP. *E'tika preobrazhennogo E'rosa*. M.: Respublika, 1994. 368 s.
3. Il'in IA. *Put' k ochevidnosti*. M.: Respublika. 1993. 43 1s.
4. Losev AF. *Filosofiya imeni* // Losev A.F. *Iz ran. proizv.* M.: Pravda, 1990. 194 s.
5. Nevelev AB, Kamaletdinova AYa. *E'nergijnost' kak e'lement logicheskoy struktury' ponyatiya* // *Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury' sovremennoj Rossii. Sbornik nauchny'x trudov XIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Magnitogorsk, 2022. S. 102–108.
6. Platon. *Pir* // Platon. *Sobr. soch.*: v 4-x t. T.2. M.: My'sl', 1993. S. 81–134.
7. Popovich OA, Krylova NF, Morozova AV. *Integrirovanny'j podhod v izuchenii russkogo yazy'ka v vuze. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika*. 2020;(1):55-66.

8. Sartr ZhP. Toshnota / ZhP Sartr ; [per. s fr. YuYa Yaxninoj]. Moskva : AST, [2018]. 318 s.
9. Tejyar de Sharden P. Fenomen cheloveka: per. s fr. M.: Nauka, 1987. 240 s.
10. Frank SL. Nepostizhimoe // Frank SL. Sochineniya. M.: Pravda, 1990. 379 s.

Информация об авторе

А. Б. Невелев — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока.

Information about the author

A. B. Nevelev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Eurasia and the East.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 20.10.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 20.10.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.